

Г.И. Чулков

Покрывало изиды

Критические очерки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г.И. Чулков**
Покрывало изиды: Критические очерки / Г.И. Чулков – М.: Книга по Требова-
нию, 2017. – 217 с.

ISBN 978-5-517-98843-0

ISBN 978-5-517-98843-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предисловіе.

Критическіе очерки, собранные въ этой книгѣ, были ранѣе напечатаны въ журналахъ „Новый Путь“, „Вопросы Жизни“, „Золотое Руно“ и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Я рѣшилъ включить въ первую часть этой книги лишь тѣ статьи, которыя имѣють отношеніе къ темѣ „кризиса символизма“. Поэтому сюда не вошла статья „Свѣтлѣють дали“, напечатанная въ журналѣ „Вѣсы“ въ 1904 году. Мысли о кризисѣ символизма занимали меня уже въ 1905 году, и на страницахъ „Вопросовъ Жизни“ я писалъ: „Декадентская полоса русской литературы, желанная въ свое время и необходимая исторически, повидимому, смѣняется новымъ культурнымъ движеніемъ“ („В. Ж.“, 1905 г., № 6). А въ 1907 году я помѣстилъ въ газетѣ „Товарищъ“ (№ 337) статью „Молодая поэзія“, въ которой между прочимъ было сказано: „Символизмъ, окрашенный въ цвѣтъ философскаго идеализма, сталъ эволюціонировать въ сторону новаго реализма, извѣстнаго теперь

подъ именемъ „мистическаго реализма“. Эта эволюція естественна и законна, потому что обусловливается кореннымъ измѣненіемъ самаго міроотношенія поэта. Упадокъ стараго реализма, опредѣлившійся съ развитіемъ тенденціозной повѣсти и натуралистическаго романа, вызвалъ реакцію. Эта реакція отмѣчается какъ идеалистическая тенденція. Въ свое время она была необходима: она заставила глубже взглянуть на взаимныя отношенія личности и міра, поэта и той темы, того объекта, который стоитъ въ центрѣ поэзіи. Автономная личность стала утверждать себя прежде объекта, и результатомъ этого явилось рожденіе символа какъ художественнаго эквивалента новыхъ переживаній. Личность перестала считаться съ „обязательными“ объективными нормами внѣшняго міра: она сама свободно и независимо стала творить свой собственный міръ. Таковъ путь символизма въ специальномъ значеніи этого эстетическаго термина“.

„Но идеалистическая природа символизма не могла удовлетворить потребности души въ живой реальности. И вотъ тогда символизмъ раскрылъ въ своей глубинѣ эту живую, но уже не природную, а мистическую реальность. Такимъ образомъ такъ называемый „мистическій реализмъ“ не отказывается отъ символизма, но послѣдовательно развиваетъ его принципы“.

Въ предлагаемой книгѣ, преимущественно въ первой части ея, я стараюсь обосновать эту тему и освѣтить ее характеристиками современныхъ поэтовъ.

Во вторую часть вошли статьи, посвященные тѣмъ писателямъ, которые, по характеру своего творчества, не могутъ быть названы символистами. Въ третью часть — статьи о театрѣ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Покрывало Изиды.

Стефанъ Маллармэ умеръ въ 1898 году. Много со-бытій совершилось за это время: славянскій міръ, пред-восхитившій ранѣе въ лицѣ Достоевскаго и Тютчева сокровенное символизма, находитъ теперь выходъ изъ декадентскаго лабиринта, и мы уже не можемъ удовле-твориться формулами и опредѣленіями, которыя пред-ложилъ знаменитый теоретикъ новаго искусства: бле-стящіе афоризмы Маллармэ для насъ воистину лишь „разбродъ“, лишь блужданія и мечтанія, и въ нихъ нѣтъ той цѣльной эстетики, которой жаждетъ совре-менная душа, утомленная философскимъ скепсисомъ и художественнымъ дилетанствомъ.

Не знаю, скоро ли мы найдемъ эту цѣльную эсте-тику, но во всякомъ случаѣ у насъ сложилось теперь прочное убѣжденіе, что на идеализмъ и только на иде-ализмъ, въ который вѣрилъ Маллармэ, построить цѣль-ной эстетики нельзя. Но мы были бы несправедливы къ памяти поэта, если бы забыли его мысли о Вагнерѣ, его влюбленость въ музыку, его мечтанія о „всенарод-

номъ“ искусствѣ. Очевидно, въ душѣ Маллармэ уже таились тѣ возможности, которыя раскрываются въ современности. И принципъ эстетическаго „внушенія“, о которомъ говоритъ Маллармэ, не потерялъ своей значительности, несмотря на то, что природа искусства получила новое освѣщеніе.

Правда, это „внушеніе“ не доминируетъ на нашъ взглядъ въ процессѣ творчества, но, какъ вторичный моментъ, оно попрежнему кажется необходимымъ.

Опредѣленія символизма, данныя впоследствии иными теоретиками французской школы, немного прибавили къ тому, что говорилъ Маллармэ. Такъ, Реми-де-Гурмонъ рассматриваетъ символизмъ какъ одну изъ главъ идеалистическаго міросозерцанія и, подчеркивая моментъ свободы, почти отождествляетъ символизмъ съ искусствомъ вообще.

Символизмъ, который въ годы борьбы Маллармэ съ „парнасомъ“ казался „новой“ поэтической школой, теперь старается найти объективный критерій для общихъ эстетическихъ оцѣнокъ, независимо отъ смѣны переходящихъ литературныхъ группировокъ.

Насъ занимаетъ теперь символизмъ, какъ основная тема эстетики. Слово символъ первоначально не имѣло того значенія, которое мы придаемъ ему теперь. Кантъ называлъ символомъ „созерцанія“, которыя априорно даютъ „косвенное чувственное изображеніе понятій“; Гегель разумѣлъ подъ символомъ частный случай аллегоріи и называлъ символическѣй первую стадію въ развитіи искусства; Шопенгауэръ подчеркивалъ въ символѣ его условность и отказывался признать въ символахъ христіанства, напр., въ изображеніи рыбы, сокровенное значеніе. Однако, несмотря на игнорированіе метафизиками этого термина, теперь приходится его принять и отчасти въ томъ смыслѣ, какой придавали ему древніе. Поклонники Деметры разумѣли подъ

словомъ *Σύμβολον* священный знакъ, знаменовавшій тайну божества. Условимся и мы разумѣть подъ символомъ то воплощеніе эстетическаго переживанія, которое открываетъ рядъ мистическихъ потенцій, восходящихъ къ абсолюту.

Въ эстетической схемѣ, предложенной Кантомъ въ его „Критикѣ способности сужденія“, символизму будетъ соотвѣтствовать тотъ средній рядъ, который опредѣляется моментомъ цѣлесообразности. Такимъ образомъ съ формальной стороны символизмъ является какъ бы мостомъ между закономѣрностью даннаго міра и послѣднею цѣлью, т.-е. свободой.

Эстетика Канта (его ученіе о прекрасномъ и возвышенномъ) не можетъ удовлетворить насъ въ силу своего формальнаго характера. „Антиномія сужденія вкуса“, имъ раскрытая, разрѣшается слишкомъ абстрактно утвержденіемъ „сверхчувственнаго субстрата явленій“. И эстетическая идея, при свѣтѣ критицизма, остается лишь неизъяснимымъ представленіемъ воображенія—не болѣе: истинно высокое—по Канту—надо искать только въ душѣ того, кто высказываетъ сужденіе, а не въ объектѣ природы: въ кантовской эстетикѣ отсутствуютъ тѣ объективныя цѣнности, которыхъ жаждетъ современная душа. И его послѣдняя формула „прекрасное есть символъ нравственно-добраго“ окончательно проводитъ раздѣльную черту между современнымъ пониманіемъ символизма и критицизмомъ.

Послѣдователь и истолкователь критической эстетики—Шиллеръ—внесъ однако существенныя поправки въ ученіе Канта о прекрасномъ и возвышенномъ. Онъ отстранилъ прямое отождествленіе прекраснаго съ нравственно-добрымъ и, какъ поэтъ, выступилъ въ защиту самодовлѣющей красоты. Критическое обоснованіе эстетики Шиллеръ дополнилъ обоснованіемъ „антропологическимъ“. По мнѣнію Шиллера, природа

и свобода, а въ чловѣкѣ чувственность и разумъ, составляютъ эстетически дѣйствительное единство, а не „условно“ объединены, какъ думалъ Кантъ.

Эстетика Гегеля, его ученіе о воплощеніи идеи въ матерію, его взглядъ на міръ, какъ на театръ, на подмосткахъ котораго дѣйствуетъ духъ, характерное для него отождествленіе въ искусствѣ идеи съ формой нашь менѣе интересуеть, чѣмъ эстетика Шопенгауэра, который такъ гениально предвосхитилъ въ своемъ ученіи о музыкѣ то, что наиболѣе волнуетъ современность. Музыка, какъ представленіе *universalia ante rem*, какъ объективация сокровеннаго, — вотъ центральная тема символизма, если мы распространимъ принципъ музыки на всѣ иныя искусства и прежде всего на поэзію.

Символизмъ принимаетъ не то, что раздѣляетъ Канта, Гегеля и Шопенгауэра, а то, что ихъ соединяетъ — стремленіе открыть въ искусствѣ объективацию платоновскихъ идей. Но, вопреки мнѣнію Платона, чловѣческое искусство не слабое подражаніе природѣ, а преодоленіе ея, возстановленіе первообразовъ, магическое зеркало, отражающее въ себѣ міръ божественныхъ потенцій.

Опредѣленіе всего въ этомъ смыслѣ высказывался Шеллингъ: онъ училъ, что красота есть „безконечное, выраженное въ конечной формѣ“, — мнѣніе, почти совпадающее съ мнѣніемъ Фихтэ, который думалъ, что искусство вводитъ реально трансцендентальную точку зрѣнія въ самую жизнь. Современная эстетическая теорія Вячеслава Иванова раскрываетъ въ символизмѣ два начала — начало идеализма и начало реализма. При чемъ методомъ идеалистическаго символизма является импрессионизмъ, а методомъ реалистическаго символизма — чистая символика.

Эволюція идеалистическаго символизма отъ Бодлэра до Мэтерлинка опредѣлилась пагосомъ иллюзіонизма: